
**ПО МАТЕРИАЛАМ ВТОРЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ
ЧТЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ»**

О. В. ТВОРОГОВ

**Историческое повествование в трудах Д. С. Лихачева
(Вступительное слово)**

Мы открываем Вторые Лихачевские чтения — Международную конференцию, посвященную памяти выдающегося исследователя древнерусской литературы. Научный авторитет Д. С. Лихачева столь велик и круг ученых, изъявивших желание отдать дань его памяти, столь обширен, что организаторы Чтений решили на этот раз сделать их тематическими: посвятить жанрам исторического повествования — летописям, хроникам и историческим повестям. Выбор такой проблематики не случаен. Именно историческое повествование на протяжении десятилетий привлекало внимание Д. С. Лихачева, именно в этой области он создал свои, ставшие уже классическими, труды.

Я напомним, что еще в 1939 г. в журнале «Звезда» появилась статья ученого о русских летописях; новгородскому летописанию была посвящена и его кандидатская диссертация — «Новгородские летописные своды XII века». В 1947 г. вышла в свет монография Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение», в которой подводились итоги «шахматовского» периода изучения начального летописания, высказывались существенные дополнения и коррективы по этой проблеме, предлагался обстоятельный обзор истории русского летописания вплоть до конца XVII в.; при этом через всю книгу проходила сквозная тема — летопись как памятник литературы, которая получит свое продолжение в монографии Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» и в значительной мере будет освещаться в оживленной дискуссии начала 70-х гг. по поводу «реалистических элементов» в памятниках древнерусской литературы. В книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» отразилась и еще одна сторона научного видения Д. С. Лихачева: рассуждая об отвлеченных проблемах истории жанров или поэтики, он постоянно ощущает под ногами твердую почву реальных текстов. И поэтому так важен был в методологическом отношении, так полезен для читателя, начинающего ученого в особенности, казалось бы, вспомогательный раздел этой книги — Приложение, содержащее обзор летописных сводов, в составе которых читается текст ПВЛ (проблемы, поднятые в рассматриваемой книге Д. С., по-прежнему актуальны: напомним о дискуссиях 70—80-х гг. о начальном русском летописании).

В 1950 г. вышло в свет подготовленное Д. С. Лихачевым двухтомное издание ПВЛ: читатель впервые получил научно подготовленный текст памятника, его перевод и обширнейший комментарий, который не только пояснял текст летописи, но и содержал одновременно сведения об эпохе, литературе, культуре и искусстве XI—XII вв. У Д. С. Лихачева есть книга «Слово о полку Игореве и культура его времени». Его комментарий к ПВЛ можно было бы назвать «Повесть временных лет и культура его времени». Изучать памятник в контексте

эпохи, в его многообразных и разносторонних связях с другими современными его произведениями, проследить отражение текста в литературе последующего времени — все это важные методологические принципы, осуществленные Д. С. Лихачевым в трудах по истории летописания.

Не могу не напомнить о, казалось бы, «проходной», «случайной» статье Д. С., посвященной Летописцу Еллинскому и Римскому, вышедшей в 1948 г. Именно Лихачев дал новый импульс изучению этого важного памятника, выведя его из того тупика, в который он был заведен издателем, нарушившим первый важнейший принцип текстолога — изучать историю текста, а потом его издавать. Готовившееся К. К. Истоминым издание Еллинского Летописца было обречено на неудачу, ибо им не были учтены даже все известные к тому времени списки памятника, а в основу публикации был положен список «древнейший», но представляющий вторичную ветвь произведения.

Интерес к русской хронографии не оставлял Д. С. и в последующие годы — я напому его блестящую характеристику экспрессивно-эмоционального стиля Русского хронографа в книге «Человек в литературе Древней Руси», его интерес к хронике Константина Манассии, заняться которой он посоветовал своей ученице М. А. Салминой, что и нашло в дальнейшем свое воплощение в издании и исследовании этого текста. Он очень хотел дождаться издания Летописца Еллинского и Римского; этой мечте ученого не суждено было сбыться — Летописец увидел свет уже после его кончины.

В круг интересов Д. С. неизменно входили памятники исторического повествования, и в первую очередь цикл повестей, включающий в себя Повесть о разорении Рязани Батыем, и «Задонщина», привлекавшая внимание Д. С. прежде всего как памятник, удостоверявший древность «Слова о полку Игореве». В изучение этих повестей Д. С. внес ряд важных наблюдений, имеющих методологическое значение: он предложил рассматривать рязанский цикл как сумму произведений, «созданных разными авторами и в разное время», что налагает на исследователей обязанность досконально изучить и текстологически обосновать саму возможность такой истории текста (тем более что существует диаметрально противоположный взгляд на сложение цикла, сформулированный Б. М. Клоссом). Не менее важны наблюдения над поэтикой подражания в связи с взаимоотношениями «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». И опять-таки перед нами не частные наблюдения, а выводы о приемах работы древнерусского книжника, которые могут помочь текстологу в разрешении сложных вопросов датировки памятников.

В своих научных разысканиях Д. С. поражал широтой и многогранностью интересов. Он фундаментально разрабатывал проблемы текстологии и поэтики, в поле его зрения оказывались самые различные жанры и памятники древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве» и ПВЛ, «Поучение Владимира Мономаха» и «Моление Даниила Заточника», сочинения Ивана Грозного и цикл повестей о разорении Рязани...

Участники Чтений стремятся быть подобными своему учителю: охват рассматриваемых жанров и памятников весьма широк: это и начальное летописание, и ПВЛ, Ипатьевская летопись, летописи новгородские и сибирские, это хроники и палеи, это «Степенная книга», это исторические повести и произведения разных жанров, испытавшие воздействие приемов исторического повествования. Естественно, что эта широта — отражение того нового этапа в развитии славянской медиевистики, свидетелями которого мы являемся. Сейчас в поле зрения ученых оказываются уже не избранные шедевры, а весь репертуар древнерусской книжности. Символично, что в этом году завершена работа над фундаментальным «Словарем книжников и книжности Древней Руси», который был задуман именно Д. С. Лихачевым. Выходят очередные тома «Библиотеки

литературы Древней Руси». Уже после кончины Д. С. была начата работа над фундаментальным Сводом древнерусских житий. А сколько новых памятников введено в научный оборот за последние десятилетия!

Не прекращаются научные дискуссии: спорят о принципах интерпретации текстов, о принципах издания, о принципах научных переводов. Спорят и по частным вопросам — о датировках, атрибуциях, литературных оценках отдельных памятников. И это прекрасно, значит, наука живет и развивается в многообразии суждений, в неразрывном единстве историко-литературных концепций и текстологических или источниковедческих наблюдений над отдельными памятниками, — а именно сочетание этих двух направлений всегда отличало научный облик Д. С. Лихачева. Мне хотелось бы выразить надежду, что, будь сегодня Д. С. среди нас, он бы с интересом и удовлетворением воспринял эти Чтения: потому что лучшая память ученому — это не только интимные, пусть самые сердечные, воспоминания, а продолжение и развитие его идей и начинаний.